

СМЕРТЬ ТАНЦОРА



ЛЮДМИЛА РАХМАНКУЛОВА

Людмила Рахманкулова

Смерть танцора

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Рахманкулова Л.

Смерть танцора / Л. Рахманкулова — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715442-3

Утром Дани приснилась омерзительная собачонка, символ грядущих несчастий. И вот – убит любовник ее подруги Даши, Костик. Свидетель убийства признается Дани, что это Дашка зарезала любовника. Накануне она прилюдно грозилась убить Костика. Дани берется за расследование, а подозреваются многие: муж Даши, бывший бандит, его соперник на выборах, чью жену Костик не оставил без внимания, бывшая невеста, администратор казино, где покойник подвизался танцором, многочисленные пассии убитого. Кто-то из подозреваемых по ходу расследования погибает, но убийца разоблачен. Убийце, однако, удастся избежать наказания – но только наказания, предусмотренного Уголовным кодексом.

ISBN 978-0-88-715442-3

© Рахманкулова Л.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Людмила Рахманкулова

СМЕРТЬ ТАНЦОРА

С Кольца до угла Татарстана и Нариманова я домчалась минут за семь. Во дворе, на лестнице и на площадке никого не было, только у дверей 56-ой квартиры блаженным и крепким сном человека с чистой совестью спал Вали, Костькин сосед, которого жена, видимо, не впустила домой в профилактико-воспитательных целях. Над ним вились мухи и запах перегара. Дашка сразу открыла мне дверь, и я юркнула в полуосвещенную солнечными бликами из гостиной прихожую. Мы схватились друг за друга. Выглядела моя красавица Дашка просто ужасно, если не зловеще. Взгляд у нее был совершенно безумный, туча темных волос отброшена назад, как у ведьмы во время полета на помеле.

– Он там, в спальне, – наконец прошептала она, и потянула меня за руку. Да, он был там, на постели, абсолютно голый, абсолютно мертвый и залитый кровью. Мертвые голубые глаза, возведенные к потолку. Мы молча смотрели на него, не подходя.

– Это ты его? – спросила я, не глядя на Дашку.

– Не я. Я как ушла с этого рыгалища, так больше его не видела... живым.

– Ну и кто его?

– Ты меня спрашиваешь?

– Кого ж мне спрашивать? Лигу сексуальных реформ? Ты говоришь, он зарезан?

– Да, по-моему. Видишь, кровь повсюду.

– Ты его трогала? Подходила к нему?

– Да, подходила. Зашла в спальню, увидела... и дальше ничего не помню. Пришла в себя, сижу на полу возле кровати, слышу – тихонечко кто-то воет.

– Кто?

– Я сама.

– И где ты была всю ночь?

– С ребятами какими-то таскались из кабака в кабак. Куда-то нас не пускали, и откуда-то выгоняли.

Дальше она мне сообщила, не сводя взгляд с Костьки, что ребят этих не знает. И рестораны не помнит. Замечательно.

– Ну, и зачем ты сюда опять явилась?

– Да наподдать ему, зара...бедолаге.

– Наподдали уж, и без тебя. Кто-нибудь тебя здесь утром видел?

Она замотала головой. Её надо было уводить – она была на грани истерики, и я испугалась, что она может разразиться воплями, упасть в конвульсиях на пол, завывать и все такое. Соседей мне тут еще не хватало. Я приоткрыла дверь на площадку – тишина, только в квартире этажом выше играет радио и слышится женский голос, певуче и ласково разговаривающий с ребенком. Вали по-прежнему уютно сопел на коврике. Мы закрыли дверь на замок, вышли со двора и пошли на остановку возле кинотеатра «Тукай». Дашка шла как заведенная автоматическая игрушка, и не очень сознавала, куда это я её веду.

Недаром накануне меня мучили тоска и предчувствия. Грядущие гадости ощущались так же четко и точно, как запах кошек в подъезде или вой автомобильной сирены в ночи. И сегодняшним прекрасным солнечным утром я открыла глаза с твердым убеждением, что все уже случилось. Напрасно я напоминала себе, что у меня первый день отпуска, что через неделю я еду в Австрию. В ванне я, надеясь утешиться, повертелась перед зеркалом: кожа цвета пентелийского мрамора, волосы с золотыми, медными, бронзовыми, медовыми, янтарными, серебристыми прядками, глаза, как у египетского божества – длинные, взгляд медленный и томный. Красивые, конечно, глаза, если бы не вертикальные кошачьи зрачки – следствие редкого забо-

левания радужной оболочки. Не всегда зрачки бывали кошачьими, черт его знает, от чего это зависело – от освещения или настроения – но все равно, люди часто пугались, тем более что иногда глазки еще и светились в темноте. В общем, зеркало меня мало утешило: то, что я видела, было скорее оригинальным, чем красивым.

Мои заклинания пред зеркалом прервал звонок: явился Лебедев и отправился на кухню, заваривать кофе. Когда я туда вошла, Лебедев сидел на своем любимом месте возле окна в расслабленно – элегантной позе, со своим обычным выражением надменности, насмешки и нежной ласки.

– Ты замечательно сегодня выглядишь, моя тигрица, – сказал он, лениво окинув меня взглядом, – вся золотая, сияющая и сверкающая, прямо богиня Аврора.

Он небрежно болтал, говорил что-то о своем казино, о каких-то неприятностях, о последних городских сплетнях – Зия Искандер и Лешка Гермаш, кажется, чего-то не поделили на последних выборах. Я пила кофе и лениво размышляла, пытаюсь игнорировать грозно нарастающие предчувствия, почему этот тонкий и умный мужчина, который ко мне как к женщине абсолютно равнодушен – а ему, впрочем, и женщины нравились, хотя мальчиками он всегда интересовался больше – водит со мной дружбу, с перерывами, вот уже примерно лет пятнадцать-двенадцать. В последние годы, когда мы вдруг стали соседями, после его приезда с Сахалина, практически дня не бывает, чтобы он не заглянул ко мне – выкурить сигаретку, попить кофейку и потрепаться. Возможно, это было желание иметь что-нибудь наподобие семьи, он был одинок, несмотря на наличие двух-трех бывших жен и пассий обоего пола, партнеров по прибыльному казино, и кота Бони, толстого и ленивого увальня. И когда он говорил что-то о том, что у него из кабинета сперли на днях пистолет – «... не знаю, заявлять или нет...еще статью пришьют за небрежное хранение оружия...» – зазвонил телефон, я взяла трубку и сказала: «Ну?» В трубке было глухо, потом вдруг включилась гулкая, пронзительная тишина, полная хрипящих звуков и шорохов, идущих как бы из немыслимой, почти потусторонней дали. Голос, прошепестевший в этой дали, нездешний, не мужской и не женский, что-то произнес и повесил трубку. Я не сразу поняла, что это было «он мертв, он мертв». У меня, видимо, был такой обалделый вид, что Лебедев спросил, в чем дело. «Ошиблись номером», ответила я, и телефон сразу зазвонил опять. На сей раз это была Дашка: «Приезжай, – она не то всхлипнула, не то подавила смех, – приезжай, он убит, зарезан. Тут лужи крови». «Ты где?» «Я у него, у Костика». Я быстро сказала: «Еду, никуда не выходи». Лебедев встал:

– Я, собственно, на минутку. Ключи принес. Уезжаю на пару дней в Питер. Про Боньку не забудь. Витамины в холодильнике.

Черт меня занес вчера на эту пьянку у Костика. Это была классическая плохая пьянка. Была куча знакомых, полужнакомых и совсем незнакомых людей из казино и телевидения, и еще бог знает откуда. Все перепились, кто-то блевал в туалете, мужчины явно выказывали поползновения набить друг другу морды, женщины визжали и лезли разнимать, соседи орали в коридоре и стучали в пол и потолок. Дашка вцепилась когтями в нежные Костиковы щеки и стала вопить, что он водит баб, и что это такие шалавы, что даже шмотки и белье её, Дашкино, воруют. Костик рассвирепел, поскольку зарабатывал на жизнь и лицом тоже, и очень его холил и лелеял, и я даже подозреваю, что посещал косметолога. Он яростно толкнул Дашку, она упала, вскочила с диким визгом и, наверное, размазала бы его по полу, если бы её не схватили, чуть ли не втроем. Бешено пытаюсь освободиться, она пришла в неистовство – уж очень пьяная была, сердешная, и закричала: «Я тебя все равно убью, падаль!» Смутно помнится мне – я тоже набралась, с досады – что потом она, щедро живописуя, как она вскоре расправится с Костикой, схватила с вешалки плащ и убежала, хлопнув дверью. Никто особого внимания не обратил. Это было в порядке вещей. Они пили, ревновали – видимо, не без оснований, – скандалили, дрались, возбуждались, и, не переставая ругаться и избивать друг друга, валились на кровать и трахались, как кролики. Иногда, посреди шумной вечеринки, которые все чаще

и чаще стихийно образовывались либо у Дашки, либо у Костика, они молча вставали, и уходили в спальню, а подвыпившие гости со смешанными чувствами внимали их столам и рычаниям. Они целый день могли провести в постели, и, хотя были вместе уже больше года – для Дашки солидный срок – их ненасытность друг другом не прекращалась, так же, как взаимные оскорбления, разборки и побоища. Скорее всего, скандалы было топливом, поддерживающим костер их чувственного иступления. Я с грустью смотрела на свою Дашку. Она перестала быть похожей на цветущую, ухоженную, окруженную любовью и заботой женщину, которой была так недавно. Взгляд её стал рассеянным, ногти были обломаны, она забывала вымыть голову или навести макияж.

Злой и возбужденный, Костык жаловался мне, обмывая боевые раны: «Ну, совсем с ума сошла, стерва, с утра все искала какой-то браслет, с чароитом... говорила, что какая-нибудь из моих телок его сперла, потом телефон расколотила, с полчаса рыдала в ванной, вылила кофе мне на любимую рубашку, а потом потребовала, чтобы я купил ей шоколад, почему-то «Гвардейский». Разве его сейчас выпускают? Знает, что я люблю её до полного помрачения разума, и пользуется этим».

Браслет я помнила. Один из Дашкиных поклонников, бог весть как забредший из Сибири в общежитие на Стромынке, где мы тогда жили, в Москве, лет десять тому назад, подарил ей кусок чароита, а другой поклонник, ювелирных дел мастер, сделал ей из серебра с чароитом комплект – браслет в виде змейки, обвивающейся вокруг цветка, и серьги. Серьги она, конечно, где-то посеяла, а браслет очень любила.

«Видишь ли, Костик, – сказала я, – она получает совершенно мерзкие письма, в которых какая-то нимфоманка во всех подробностях расписывает где, в каких позах и сколько раз ты её трахаешь. Прямо готовый сценарий жесткого порно» Костик хмыкнул и склонился над раковиной. Я слегка пнула его коленкой под зад и вышла из ванной.

Последующие три четверти часа я была очень занята. Привела Дашку в пустую Лебедевскую квартиру, дала ей лошадиную дозу снотворного и уложила в постель. Сбегала к ней на квартиру на Кави Наджми, упаковала пару чемоданов, приволокла их к себе, практически никого не встретив; позвонила к ней на работу, и сообщила начальнице, мирволившей Дашке, что та уехала вчера поздно ночью с новым любовником на теплые моря. Пришлось, конечно, поднапрячь воображение и сострять на ходу сюжет, который оказал бы честь любому роману для домохозяек: тут были и романтическая встреча и роковая страсть, молниеносно и неотвратимо поразившие Дашку и некоего мужественного брюнета (Нонна Ильинична обожала брюнетов) и их мгновенное решение идти рука об руку по дороге жизни, и письмо, оставленное Дашей Костику, извещающее бывшего любовника о разрыве отношений, и отъезд Даши с брюнетом на юг.

– Боже мой, боже мой, как она неосмотрительна, она живет только сердцем, только чувствами, – бормотала в полном восторге Нонна Ильинична, которая во всем остальном, что не касалось чувств-с и сердца, была пройда и видела насквозь и на два аршина в землю.

Потом я позвонила Зие Искандеру.

Мы встретились в кафе возле парка. Кафе, видимо, принадлежало Искандеру или одному из его людей, и задняя комната была весьма удобна для встреч без свидетелей. Искандер сразу понял, что я не хочу блистать в его обществе, да и сам не жаждал внимания любопытных, в особенности теперь, когда так макабрически складывалась его избирательная компания.

– Два года тебя не видел, даже мельком, даже на улице. Знал, правда, что в городе.

– Я тебя не избегала, да встречаться ни к чему было.

Я смотрела мимо него, но видела его отчетливее, чем если бы смотрела в упор. Он сидел, слегка откинувшись. Смуглая рука, нервно-энергичная, с тонкими сильными пальцами лежала на ручке кресла. Рубашка из натурального шелка – какое пижонство, однако! – открывает шею,

волосы давно не стриг, обручальное кольцо снял, в уголке рта небольшой шрам, похожий на усмешку.

– Я скучал. Что-то случилось?

– Да, случилось. В данный момент небезызвестный тебе Костик лежит в своей спальне с перерезанным горлом.

В последовавшей паузе Искандер, подняв брови, грустно рассматривал пол, стены, единственное окно, выходившее на кусты сирени. Я ждала, и он, наконец, посмотрел на меня своими бирюзовыми глазами, от взгляда которых лет двадцать назад я почти падала в обморок. Мне было двенадцать лет, когда я впервые увидела его на ледяной дорожке возле своей школы № 2 на Булаке и смертельно влюбилась. И любовь была далеко не девичья, а страстная, неистовая, острая, доставлявшая какое-то адское блаженство и потрясающе жгучие муки. В школьной толпе на перемене, или в сумерках на углу Тукаевской и Татарстана, где часто собиралась местная молодежь, меня вдруг мгновенно, как спазм, охватывала обморочная истома, ноги слабели – это кровь, нервы, лимфа, подкормка реагировали раньше, чем я успевала увидеть Искандера зрением и осознать это. Он влюбился в меня, а потом – и в Дашку тоже. Лет пять тому назад он все-таки женился на Дашке – это был его второй, а её третий брак. Брак оказался неудачным, чего и следовало ожидать, но Дашка родила ему сына и дочку, которых он ей не отдал. «Вот остепенишься, станешь нормальной женщиной – тогда посмотрим», – сказал он ей, и расстались они мирно.

– Дашку надо пока спрятать. Пару деньков вашего Костика никто не хватится, а за это время можно что-то придумать – сказал он.

Он не спросил, что я думаю: виновата она или нет? Он знал, как и я знала, что будь она хоть сто раз виновата, и прирежь она еще двадцать Костиков, это никак не повлияет на наше намерение спасти её любой ценой.

– Деньги нужны?

– На что? На венки Костику?

Искандер прищурился и ухмыльнулся:

– За что ты его не любишь? Впрочем, ты никого из её хахалей не любила, даже со мной была холодна, когда я на ней женился.

– А что, я была неправа? Ты сделал её счастливой, она наконец-то успокоилась, да? Ну что ж, радуйся. У тебя опять появился шанс.

– Ей все-таки со мной было лучше, чем с этим балеруном, прости господи. И потом, Мурка, ты сама всегда говорила, что счастливой любви не бывает. И вообще – не ты ли мочканула Костика, из любви к погибающей подружке?

Мурка! Почему-то вспомнил мое школьное прозвище. Впрочем, Муркой меня недолго звали – с восьмого по десятый класс, вот его кличка до сих пор в ходу.

– Мой Адмирал! А у тебя есть алиби на сегодняшнюю ночь и утро? Непременно тебя потрясут, ревнивый муж – это, знаешь, мотив!

– Ну, какой я теперь муж! На сегодняшнюю ночь алиби найдется. Я, например, был с дамой, тебе знакомой.

И невинно улыбнулся, гад. Я больше не люблю Искандера, но я бы с превеликим удовольствием заточила его в монастырь, где он не смог бы увидеть и кончик женской туфельки.

– Ну, в общем, так. Подождем, пока менты этим делом займутся. Озабочу кого-нибудь в убойном отделе, разберутся. Или ребята займутся. А если что – отправим Дашку за бугор.

– Хорошо, мой Адмирал. Иди ты первый.

Я смотрела, как он идет к своей машине, неторопливо и уверенно, как хищный зверь на принадлежащей ему территории, и знает, что я смотрю ему вслед, но и не подумает обернуться.

Дашка сидела на кухне, с сигаретой в зубах, запустив руки в волосы.

– Ну?

– Видела Адмирала.

– И за каким чертом? И что у тебя за манера – как что у тебя случается, так ты сразу к Зие.

– Да, только случилось не у меня, а у тебя.

– Ну да, ну да. Какая, впрочем, разница?

Я села и потянула сигарету из пачки:

– Как ты себя вообще чувствуешь? Пришла в себя?

– Странное чувство. Костьку мне не жалко. То есть, мне его жалко – но так, как бы я пожалела любого малознакомого мне человека.

– Ха! А он и был малознакомый. Куда тебе было с ним знакомиться – вы только трахались, а это не повод для знакомства.

– И... стыдно признаться – чувство освобождения. Как будто какой морок, наваждение рассеялось. И он мне представляется каким-то маленьким, как будто он отодвинулся вдаль. Как ты думаешь – кто его?

– Ну, во-первых, ревнивая любовница, некая Дарья Меликова, прожившая с ним год в непрерывных битвах, а вчера принародно пообещавшая прикончить его.

– Ах, вот так вот?!

– Да, именно. Во-вторых, бывший муж этой ревнивицы и скандалистки, всем известный бандитский авторитет Зия Искандер, погнало Адмирал. Сам убил или нанял кого.

– А что, ты что-то заметила? Нет, я не верю. С какой стати?

– В-третьих, это могла быть какая-нибудь из его приятельниц, которая посещала его, когда ты брала тайм-аут и уезжала ночевать домой. Вспомни ту ненормальную, которая тебя донимает е-мейлами с описаниями своих совместных с Костиком сексуальных радостей. И как он ей говорит: «Ты самая ох...я баба, которая у меня была».

Дашка грустно сказала:

– Да, Костик любил материться в постели.

– Дальше, это мог быть муж или приятель, которому Костик наставлял рога с его биксой.

– Да кого теперь за это убивают! И кто? Мужья, которые все подряд импотенты? А импотенты, знаешь, преступлений по страсти не совершают! Тестостерона не хватает!

– Кроме того, это могла быть я.

– А ты-то с каких таких грибов?

– А вот Зия считает, что это могла быть я – и якобы из самых благородных побуждений, чтоб ты окончательно не спилась и не сблядовалась.

– Вот это, пожалуй, самая веская версия. Ты никогда не любила моих мужиков. Ты никогда ни с кем из них не дружила.

– Неправда. Мы даже спали с одними и теми же.

– Ну, не одновременно же. А может, и одновременно, а?

– Ты что ли одобряла моих мужиков? Правда, вниманием ты их тоже не обделяла. Так что это дело семейное. Мы вечно ревновали друг друга.

– А помнишь, тогда в спортивном лагере, Генка Филиппов послушал-послушал, как мы своих поклонничков высмеивали, и обозвал нас лесбиянками?

– Знаешь, было бы в сто раз лучше, если бы дурак Генка Филиппов был прав. Хлопот меньше было бы, и по молодости аборт бы не делали.

– Ты ж не делала аборт?

– Я? – я смешалась. – Я – нет.

Я хотела прибавить: «Но у тебя же был один аборт», но от её спокойного взгляда у меня вроде как отнялся язык.

– Никто, правда, ему не поверил. Ну, еще бы – при таком количестве романов. Ты, помоему, с детского сада начала влюбляться.

– Да, а ты нет; только с третьего класса мальчишки дрались за то, кому тебя провожать и целовать в подъезде.

Дашка хихикнула:

– Дани, а ты помнишь, как я застукала тебя у нас с Никешей – ты у него на коленях, а он руку тебе под юбку засунул. Сколько тебе было тогда? Мститесь мне, мы еще только в шестой тогда перешли.

– Заявление надо было настроить на твоего Никешу за совращение малолетней.

Правда, совратил он меня гораздо позднее. Или нет, это я его совратила, а он был старше меня лет на семь. Он тогда ушел с четвертого курса медицинского, и наступал конец отсрочки, положенный ему из-за того, что он смастерил ребеночка своей теперешней жене, и он маялся жарким летом – в тот год горели леса – со дня на день ожидая призыва, один в пустой квартире. Дашку с Катькой и Михаилом Ивановичем Тамара Сергеевна пинками погнала впереди себя на дачу в Дербышки сорняки полоть. Я влезла в окно и с ходу прыгнула к Никеше в постель. Он и опомниться не успел. Зачем я это сделала – бог весть. Он меня никогда не привлекал, да и особого внимания на меня не обращал. И проделала это я в добром здравии и полной памяти, совершенно хладнокровно, что б не сказать цинично, и без малейшего намека на какой-нибудь необоримый сексуальный позыв. И ведь были же ребята, которые мне нравились гораздо больше, и прямо с ног сбивались, чтобы трахнуть меня. Ну, тот же самый Марат Харисов, например. Он в то лето просто не отходил от меня, вечерами мы до одурения целовались под липами в детском саду за стадионом, ночами он торчал под моим окном или у ворот, днем ходил сонный, с опаленным лицом и темными кругами под глазами. Ребята с нашего двора смеялись: «Дани, он смотрит на тебя, как будто съесть хочет».

– Ну, в общем, так. Менты за тебя точно возьмутся, ты должна до поры до времени исчезнуть. Напиши письмо Костику, что у тебя уже давно новый хахель и что ты уезжаешь с ним к морю. Развези там сопли, что ты не могла ему прямо это в глаза сказать, что тебе было легче с ним поругаться, сделать его виноватым за ваш разрыв, ну, напусти психологии. Я пойду положу письмо ему в почтовый ящик, может, менты его потом найдут.

– Ну, и что дальше?

– Там посмотрим. По крайней мере, пусть думают, что ты уехала сразу после ссоры. Может, скоро что-нибудь прояснится, быстро на кого-нибудь выйдут. Зия узнает, какие они там версии будут разрабатывать. Может, на тебя вообще внимания не обратят. Тогда ты приедешь якобы с Кипру или Испании и распишешь своей Ноннке, какая у тебя там была любовь и пообещаешь вскоре познакомить её со своим избранником.

Дашка всхлипнула, вздохнула, погасила сигарету:

– Нет, какие мы все-таки суки! Он там лежит, один, никому не нужный, такой молодой, красивый, а мы о нем даже доброго слова сказать не можем, он нас уже не волнует!

– Он меня никогда не волновал! И вообще, да, правда – мы с тобой аморальные существа. Но мы ему смерти не желали.

– Иногда я хотела, чтобы он умер, – возразила Дашка, малышка моя, бедное сердечко.

– И мы его не убивали, – с уверенностью, которую я совсем не испытывала, сказала я.

– А точно мы его... то есть, ты его не убивала? – Дашка заломила бровь, шутливо и горестно.

Я встала, подошла к ней сзади, обняла её бедную головушку и прижала к своей груди:

– Дашенька, милая, вспомни, ты не приходила к нему ночью, может, ты все-таки вернулась, когда все разошлись, и порезала его в лямки, и сама того не помнишь?

Однажды, когда мы учились где-то на втором курсе, я забежала к Дашке. Вся семейка, кроме нее, мирно сидела перед телевизором, и я присела на диванчик рядом с Катькой. Дашка, чертыхаясь, разбирала что-то в их с Катькой комнате. Пытаясь уловить суть дела на экране, я вдруг осознала, что уже какое-то время прислушиваюсь к тому, что Дашки совсем не слышно.

Я вскочила и обернулась. Дашка, с топором, приподнятым для нанесения удара, с широко раскрытыми и ничего не видящими глазами, приближалась к Катке. Я заорала и бросилась к ней, опрокидывая стулья. Мы с Никешей и Михаилом Ивановичем с трудом отобрали у неё топор, она молча сопротивлялась, глядя куда-то в пространство, потом рухнула в обморок. Тамара Сергеевна просто оцепенела, а Катка визжала и тряслась в углу. Так вот, когда Дашка пришла в себя, она ничего не помнила.

Вой милицейской сирены застал меня в Костькином подъезде, в тот момент, когда я, вытащив написанное Дашкой письмо, намеревалась бросить его в почтовый ящик. В панике я сунула письмо в сумочку и на негнувшихся ногах пошла вверх по лестнице. Менты, гулко топая, обогнали меня на втором пролете, промчались мимо и остановились на Костькином этаже.

– Во, сука продажная, бикса позорная! – раздался, отзываясь эхом на верхних этажах, возмущенный вопль, и я с некоторым смятением узнала голос Вали. – Ментам сдала, коза нечесаная!

Я обогнула изгиб перил, и передо мной возникла картина: горе пришло в кишлак. Вали, в маечке, некогда голубой, в приспущенных портках стоял возле открытых дверей своей квартиры, и возмущение, слышавшееся в его голосе только что, никак не отражалось на его лице. Наоборот, лицо выражало недоумение, и, пожалуй, даже обиду: менты никакого внимания на него не обратили, а сгрудились возле Костькиной квартиры. За спиной Вали мелькала его жена, Земфира. В квартире справа щелкнула дверь, и в щель выдвинулась старушенция.

– Что такое? – спросила я, глядя, как какой-то дядек, явно не милицейской наружности, с деревянным ящичком с ручкой, подступился к двери.

– Идите себе, – сказал один из ментов, едва на меня взглянув.

– Но я уже пришла. Мне надо в эту квартиру.

– Привет, Дани, – сказал Вали. – Чо случилось-то? Я думал, моя шалава ментов высвистала. Ну, думаю, не дамся, и ей навешаю.

Земфира сунула ему кулаком в шею и утащила в глубину полутемного жилья, с отсветами солнечных лучей в прихожей, как крокодил утаскивает в омут пойманную зебу.

Дверь открылась, ребята быстро втянулись в квартиру, и кто-то из них крикнул: «Есть, наш клиент!» Тот мент, который заговорил со мной, в квартиру не пошел, а хмуро уставился на меня.

– Вы кто?

– Я пришла к Константину Ковшову. Я его знакомая. Что-то случилось?

– Документы есть?

Я пожала плечами:

– Не ношу.

– Зачем вы к нему пришли?

– Ну... забрать вещи своей подруги. Она меня попросила. Вот, ключи дала.

– Как её зовут?

– Дарья Меликова.

– А какое она имеет отношение к Константину Ковшову?

– Они жили в гражданском браке.

– Почему жили?

– Потому что вчера Даша решила с ним порвать.

– Почему она сама не пришла?

– Потому что она уехала вчера вечером со своим новым другом на Кипр.

– Что за друг?

– Понятия не имею. Знаю только, что восхитительный брюнет.

Мент хмыкнул. Он и сам был брюнет, может, и не такой восхитительный, как гипотетический Дашкин любовник, но тоже ничего.

– Да, кстати, вот: нашла Дашкино письмо в ящике. Видно, перед отъездом бросила.

– Куда конкретно она отправилась?

– Не знаю, у них не было точных планов.

– И что это за поспешный такой отъезд?

– Ничего не поспешный. Он её давно уговаривал, а она все не решалась Костику сказать. А вчера они с Костиком поругались, и она воспользовалась этим как предлогом к разрыву.

– Это она вам сказала?

– Что они поругались? Да я сама видела. Я была здесь вчера. Тут вчера человек пятнадцать было. Не меньше.

– И когда она ушла?

– Часов в одиннадцать. Когда я пришла домой, в первом часу, я нашла дома ключи и записку. Наверно, к тому времени они уже выехали из города.

Боже, что я несу! На ходу подметки режу. Как бы не проколоться.

– Кто последний ушел?

– Ну откуда же мне знать? Я ушла, когда вечеринка была в разгаре. Еще Хамза из окон не вываливался.

– Что?

– Ну, когда все допьются до определенной кондиции, Хамза – это наш приятель – непременно демонстрирует свою удаль и мужскую статью, выпрыгивает из окон – ну не может он ничего другого придумать, не наградила природа воображением. А все с радостным воплем начинают оттаскивать его от окна. Мы еще студентами, когда намечалась пьянка, распределялись – кто за водку отвечает, кто салаты будет делать, а кто за Хамзой присматривать. Я так полагаю, квартиру ограбили? Где Костик?

Мент кивнул внутрь квартиры:

– Пройдите на кухню. Нам все равно нужны понятия.

Я зашла, села в угловое креслице и помолчала, прислушиваясь и как бы стараясь понять, что происходит в спальне и гостиной. Мент весьма пытливо, приподняв бровь, смотрел на меня, с некоторым даже ожиданием. Я несколько смешалась. И чего это он ждет? Неужели надеется, что я, не выдержав напряжения и угрызений совести, паду на колени под его орлиным взглядом и признаюсь в содеянном злодеянии, ломая руки и биясь головой о коврик на паркете?

– Ну, я так поняла, что Костик либо совершил какое-то преступление, и вы явились с обыском, либо с ним самим что-то случилось. Он жив? Он здесь, в квартире? Убит, застрелен?

– Идите взгляните и скажите, он ли это.

Чертов экспериментатор. Я встала и прошла в гостиную, затем, поколебавшись, в спальню. На пороге я обернулась. На морде у моего мента отчетливо проступили досада и разочарование. Он, видимо, ожидал, что убийца – я, то-есть – в напряжении момента выдаст себя, сразу отправившись на место преступления. В спальне двое ментов мельком взглянули на меня, возились возле труп. Еще один стоял возле окна и вроде что-то писал. В комнате уже явственно ощущался запах крови – невыносимый, сладковатый, омерзительно-тошнотворный. Бедный Костик, может, для него и лучше, что его сразу обнаружили – не то лежать бы ему тут, в июньскую жару.

На кухне я снова села, вытащила из сумочки сигареты. Закурила, и только потом сказала.

– Это он.

– Однако! Какое самообладание!

Я разозлилась:

– Ну, хотите, я в обморок брякнусь? Или в голос зарыдаю. Вас это больше устроит?

– Вы все-таки знали его, возможно, дружили даже.

– Возможно. Но я уже достаточно нагляделась на трупы своих друзей. Сами знаете, какое сейчас время. У меня двоюродного брата молокососы в гараже убили. Пытали, хотели знать, где ключи от роскошного внедорожника, который его шеф в его гараже держал. А у него докторская защита должна была быть через неделю, и жена беременная осталась, не говоря уж о матери, которая скончалась через месяц от горя.

– Я знаю это дело. Эти сопляки даже не умели машину без ключей открыть. А ключей от машины в гараже шеф, конечно, не держал.

– Соседка моя, с которой я в школу бегала, и первую сигарету с которой раскурила – сперли у её папашки – умерла от передоза. Муж одной моей подруги упал на улице, с сердцем стало плохо – никто не подошел, скорую вызвали только через час, и он скончался по дороге в больницу. Говорили, можно было спасти. У другой муж – любимый муж, любовь с четвертого класса, – десять лет пил по-черному, и умер у нас на руках в мучениях, неделю его корчило в страшных судорогах, она посидела за эту неделю. Вальку Бортника – громкое дело, вы знаете – застрелили в собственном подъезде, один приятель спился, замерз в Дербышках, всю зиму искали, нашли по весне, когда снег стаял.

– Кто вчера тут был?

– Ну, Генка Филиппов с какими-то двумя биксами, где-то он их подобрал, в казино или в «Пирамиде»... Геннадий Филиппов, владелец «Светоча». Бикс звали то ли Пуська и Киска, то ли Писька и Куська, а может, Фроська и Муська.

– Н-да... психика у тебя ненормальная, но нервы у тебя железные, да еще и злюка...

– Еще был Шувалов Володя с женой, та сидела на кухне вот тут в соплях и слезах, жаловалась на то, что любовь прошла, а Вовик тем временем шупал в углу соседку Надю с верхнего этажа. Рифкат Ниязов был, но он быстро ушел, уехал на аэродром, кого-то встречал.

– Это который в «Росмаксе»?

– Ну. Потом Гузель Батырова. С телевидения. Эта вообще, как пришла, так сразу улеглась на диван в гостиной и спала до десяти. К новостям еле-еле растолкали. Была Танька Миролюбова со вторым или третьим мужем, а может, и с обоими вместе.

– Кто, по-твоему, мог его убить?

– Не знаю. Он не бизнесмен. Работает в казино, у Лебедева, что-то вроде постановщика в шоу, сам танцует. Денег займы не брал и не давал никому. Все, что зарабатывал, тратил на себя и на Дашку. Жил одним днем.

– Да, тут, значит, не деньги. И не киллер, бытовуха, в состоянии аффекта. Любовь? Может, твоя Дашка его приревновала?

– Дашка его ревновала, но убивать бы не стала. Во-первых, у самой рыльце в пушку, а во-вторых, Дашка глубоко убеждена, что мужчины полигамны, и с этим надо мириться, как с климатом.

– Значит, ходок был? Тут много возможностей. Богатыми женщинами интересовался?

– Не без этого. Профессия обязывает.

Заглянул мент, тот, который стоял у окна.

– Марлен, тут бабуся интересные вещи говорит.

Выходя из кухни вслед за Марленом, я наступила на что-то, чуть не упала. Это был браслет, с чароитом, змейка, обвившаяся вокруг цветка.

– Ну и ну, – сказала я. – Смотрите, Дашкин браслет. Она его уже неделю искала, и вчера вечером точно на ней его не было.

Чортова бабуська, в очках и с жидкой косицей, сказала, что «шумели уж очень». И что музыка громко играла, и что такое происходило часто, и «вот, доигрались». Она ни за что бы в этот дом не переехала, если б знала, что тут «такой бардак», а вообще это внучок её, такой заботливый, переселил её сюда недавно из коммуналки без газа и воды. Но она всех уже знает, и этот «Кинстинтин» Ковшов «тунеядец», днем почти всегда дрых. И что к нему вечно «всякие

профурсетки шастали». Одну она знает по имени, это Даша, вроде как жена незаконная, а еще две тоже постоянно ходили – красивые, одна как куколка, беленькая вся, одета богато, а другая в последнее время прямо зачастила – стриженная, худенькая, но высокая. А дня два-три назад она услышала возню на лестнице и выглянула: Кинстинтин этот дамочку у своих дверей зажал, нетерпеливый какой, до квартиры добраться не мог. А дамочка то ли Дашка, то ли еще кто – бабка не разглядела. А вчера, прибавила проклятая старушонка, Дашка вечером убёгла, поругамшись, а ночью пришла, тихонько так ключом дверь открыла.

– Врешь, бабусик! – вырвалось у меня. – Обозналась ты!

– Эка! – обиделась бабулька. – Я со спины видала. Да она на минутку повернулась, я её узнала. Волосы такие черные, копной, чуть не до пояса, только мордочка мне бледной показалась, как у больной.

– В котором часу? – осведомился Марлен.

– А вот наверно третий час пошел. Не сплю я, бессонница у меня.

– И от глазка не отхожу, доблестно стою на посту, – ядовито прокомментировала я.

Марлен опять хмыкнул и наградил меня медленным дружелюбным – но не очень – взглядом.

– Дашку твою будем искать. Вопросы у нас к ней. И ты к нам заглянешь. Повестку тебе или телефон дашь?

Я посмотрела ему в его ментовски-котовские глаза.

– Повестку присылайте. Или наряд милиции. Можете ОМОН.

– А браслет, значит, говоришь, искала, и не могла найти, а он на видном месте лежал?

– Да не лежал он там. Непременно за неделю она бы его нашла, или Костька, или вчера кто-нибудь из гостей. Она жаловалась, что вещи ее Костькины девки воруют, даже белье, и пропажу браслета на них же повесила. Как раз из-за этого они вчера поругались.

– Значит, она ночью приходила, и забыла его здесь, так?

Ага. Неделю скандалы Костьке устраивала. Потом ушла куда-то на ночь глядя, обнаружила этот браслет где-то там, в туманной дали, под сенью струй, пришла и на всякий случай замочила Костика, а браслетик аккуратно так у порога уложила.

– А вот еще третьего дня мужик к нему приезжал, – вспомнила вдруг бабка. – Такой представительный, на машине, с охраной, что ли. Так они в квартире шумели очень, ругались, что ли, чего-то на пол кидали. И орали...

– Чего орали-то?

– А вот вроде как требовали «опию, опию».

– Чего-о-о?

– Совсем бабулька с ума скопсилась, – сказала я, – ну не разводил Костик в сортире опиум-сырец, и на балконе у него плантаций нет.

И пошла вниз по лестнице, бормоча:

– Слуга мой Прокопий про кофе, про копи, про опий любил говорить...

Начинался какой-то бред.

Я дошла до набережной Кабана, и уселась в пивной палатке возле театра. Пребывала я в каком-то двойственном состоянии – в состоянии одновременно тихого изумления и бешеной, холодной, веселой злобы. Это что же получается, господа хорошие? Дашка таки пришила любовничка? Если бы она это сделала – она не стала бы мне врать. Она всегда знала, что она и я – это одно, а весь остальной мир... Да, а что если у нее приключилось на почве пьянки или стресса затмение, как тогда, у телевизора, и она просто не помнит ничего? И кто это, вдруг вспомнила я, так мило пошутил по телефону утром? Свидетель, убийца? Почему мне позвонили? И почему Искандер совсем не удивился, даже не дрогнул, когда я с ходу сообщила ему о Костьке? Может, он уже знал? Ну, пришел соперника, с кем не бывает, но зачем

так театрально? Да и не стал бы он этого делать, он же Дашку подставил! Стоп – а почему ему её не подставить? Может, он этого и хотел? То-то мне показалось подозрительным, что мой горячий, мстительный, ревнивый Искандер так легко отпустил Дашку. Может, он хочет её таким образом вернуть – подставить, потом спасти, вернуть детям мать домой, себе жену в постель? Или просто отомстить – отправить на нары лет на восемнадцать? Нет, не мог он с нами так поступить. Я смотрю на воду, на противоположный берег, но вижу другое: мы втроем – я, Дашка и Фирка – сбежав со школьных соревнований, сидим на корточках в маленькой раздевалке дряхлого стадиона «Спартак» на Тукаевской. Я ощущаю запах пыли и травы, и баскетбольных мячей в углу, и вижу столбы солнечного света из щелей деревянных стен, и пляшущие пылинки, и чувствую теплое Фиркино плечо, и её ободранную девчоночью коленку. Мы рассматриваем журнал «Штерн», незнамо как попавший нам в руки, и в раздевалку вдруг заглядывает Искандер. Он чуть теряется, застав всех своих пассий вместе, в мирном соседстве, но мы уже вскакиваем, втаскиваем его в раздевалку и с победными воплями валим на пол. «Отдубасить его!» – кричит Дашка – «Чего он наши девичьи секреты вынюхивает!» Искандер хохочет, обнимает Фирку, пытается поцеловать меня, кричит: «Девчонки, я вас ужасно люблю! Скажите, что для вас сделать – я все сделаю!»

Этот некстати всплывший в памяти эпизод влечет за собой другие. Городская школьная эстафета, мы собираемся на улице Ленина, возле «Сковороды», у меня и фотографии до сих пор есть, а из окон четвертого этажа, из больничной палаты смотрит на нас Искандер. Ему третий день как сделали операцию, четыре часа делали, его жестоко избили на центральном стадионе, теперь он морщится, ему, видимо, больно, но он висит в форточке, он хочет быть с нами, ведь он никогда не пропускал эстафету, всегда вытягивал команду, а Палыч, наш физрук, ворчит: «Слезь, баран, кишки потеряешь, шов разойдется».

А вот я захожу к Дашке в районную прокуратуру. После истории с Борькой Сагдеевым её выперли из десятого класса, и мать устроила её на работу секретарем. А я училась в вечерней школе – я раньше неё ушла из школы – и работала через дорогу, в домоуправлении, за Кировским сквером, и забегала к ней в обед или просто так, в любое время. Она печатает какой-то отчет о нераскрытых преступлениях за квартал, или за месяц, и, ухмыльнувшись, показывает мне строчку: «в ночь с десятого на одиннадцатое мая из помещения школы № 51 был похищен железный ящик с деньгами. К похищению этого ящика я имела прямое отношение – невольное, правда. Пришла ночью к Искандеру в его 16-ый двор, а они в это время с Виталиком Рыжим задумали школу грабануть, лапши мне на уши навесили и поставили на стрему. И не побоялись, сволочи, что девка безвинно может пострадать! Мы с Дашкой переглядываемся и смеемся. Тут в приемной одновременно появляются прокурор Халитов, красивый голубоглазый брюнет – из дверей своего кабинета, и Искандер, который явился, чтобы взять у Дашки повестку о вызове в прокуратуру и предъявить на работе как оправдание за прогул – из дверей, ведущих из коридора, и одновременно спрашивают: чему смеётесь?

Или вот: мы сидим в кафешке на улице Баумана, напротив Дома Печати. Я наткнулась на Фирку на углу, и она вцепилась в меня, как клещ. И пока она быстро вываливала на меня последние сплетни, откуда-то вывернулись Искандер и Марат Харисов, и повели нас кормить мороженым. Сколько тогда нам было всем лет? Шестнадцать? Семнадцать? Я помню, что я испытывала необыкновенное, ошеломительное, головокружительное счастье: я интенсивно ощущала, как мы молоды, красивы, и что мир принадлежит нам. На мгновение прошлое вспыхивает в моей памяти, и я опять смотрю в Искандеровы шалые глаза и пытаюсь понять: кто тут с кем? На выходе Фирка прислоняется к Искандеру и делает мне ручкой: пока, мол, подруга. Я беру под руку Марата и вздергиваю подбородок. Искандер идет, влекомый Фиркой, и смотрит на меня через плечо. Ночью Пират привозит его на велосипеде под мои окна. Искандер берет его с собой, потому что не умеет свистеть. Я слышу, как Пират свистит, сначала тихонько,

потом как Соловей-Разбойник. Я слышу также, как они смеются и переругиваются. Увы, я не могу откликнуться. Мы сидим с Маратом на крыше, и он просто затыкает мне рот поцелуями.

Да, а браслет откуда? Если его сперла, как предполагала Дашка, одна из Костиковых шалав, то, видимо, эта же шалава его и оставила в квартире прошлой ночью. И не она ли его зарезала? Трудно, правда, вообразить, какие такие причины были у этой девушки для такого неординарного поступка. И кто звонил? Убийца? А зачем? Что его побудило? Наверняка надеялся, что мы тут же побежим к Костику, чтобы удостовериться. Ну... и прав оказался. Побежали, по крайней мере, я. Дашка уже была там. Удостоверились. Ну и что, куда это нас двинуло?

Где-то за мостом, где не положена стоянка, остановился «мерс», из него вышел шофер и выпустил с заднего сиденья Лешку Гермаша. Тот направился к палатке, где я сидела. Углядел.

– Привет, – сказал он, и попытался улыбнуться. У него плохо получилось. Вот уже много лет, когда он видит меня, у него делается напряженное лицо, но пройти мимо он почему-то не может. Феромонами ему тут намазано.

– Привет, – сказала я. – Пива хочешь? Как жизнь, чем занимаешься?

– А то ты не знаешь! Трудовые блудни. Веду черную пиар-компанию против твоего Искандера. С попеременным успехом. Небось, ты за него болеешь?

– Ой, да нужны вы мне оба как памперс бетономешалке. Мне бы со своими проблемами разобраться.

– Вот, статеечку скоро про него тиснем, про его криминальные связи.

– Да кто не имеет криминальных связей? Даже у меня криминальные связи – с тобой вот и с Искандером. Вы оба, кажется, успели в зоне побывать – или я не права?

– Ну, я по малолетке.

– Ага, прекрасно помню. Как вы с Фаридом Закировым ограбили киоск, конфеты натырили и бормотухи, и улеглись спать неподалеку в сквере, где вас и прихватили. Если Искандер опубликует эти подвиги, твой рейтинг крупно упадет. Вот если бы ты банк ограбил...

– Ага, зато я примерный семьянин, а Искандер...

Внезапно Лешка нервно хихикнул и сел, отхлебнул из моего стакана.

– Боюсь только, что скоро моей безупречной репутации отца семейства придет конец.

– Что так?

– Прислали на контору видеокассету. На ней я – во всей красе, предаюсь разврату с Дашкой Меликовой. Причем так кадры подобрали – меня видно, а женщину – нет, только со спины, или в ракурсах, где лица не разобрать. Честное слово, если бы не выборы, получил бы большое удовольствие. Ты, наверно, знаешь, у нас был с ней короткий роман, когда она ушла от Искандера. Она тогда купила новый видик, и мы баловались, а потом смеялись, глядя на себя. И, знаешь, письмецо приложено – мол, ждите дальнейших инструкций, готовьте деньги, а иначе, мол, оригинал в Искандеров штаб отправят.

– Ну и...?

– Видно, думали, что я Дашку не узнаю. Или что у меня так много баб, что я не вспомню, кто это. Мы тут живенько вычислили, чья это работа.

– Ну и чья?

– Да любовничек этот, балерун... Наткнулся, видимо, на кассеточки и решил денег полегкому срубить.

– Ага. Значит, это ты с ребятами третьеводнишь к Константину заезжал морду бить и оригинал с копиями требовать? То-то бабке слышалось «опия, опия».

– Какой бабке? Что за опиум?

– Ну, и добился ты от Константина чего?

– Сказал, что дома ничего не держит, обещал через два дня все отдать.

– Что-то тут не то, Лешенька. Нагрянул с мордоворотами, а потом вежливо раскланялся: «Ах, вы заняты? Ну, простите. Зайдем через пару дней».

Лешка отвел глаза, и я поняла, что-то действительно у него там, у Костика, не так пошло.

– Да он был так напуган, он их точно отдаст, – сказал он, и быстро перевел разговор на другое: – Не пойму я Дашку – она могла бы иметь кого-нибудь порядочного, если уж с Искандером не получилось, нет – завела себе... Жалкое зрелище.

– Ты даже сам не знаешь, насколько ты прав... Насколько жалкое зрелище представляет собой этот Костик...особенно теперь... Скажи, милый, а где ты хранишь ту копию, которой он тебя одарил?

– В офисе. А что?

– Ну, так береги её. Она у тебя будет единственная, и будет напоминать о прекрасных днях, проведенных с Дашуткой. И к Костику точно не суйся.

– Что такое?

– Боюсь, ты вляпался в историю, где тебе будет не до имиджа примерного отца семейства и столпа общества. Костыку уже льдом обложили.

– Не понял!!

– Его сегодня утром нашли зарезанным в собственной квартире. И наверно скоро станет известно, что это ты его осчастливил своим визитом на днях. Менты тобой заинтересуются, а если Искандер про это пронюхает, он так дело повернет, что тебе будет не до выборов, ты будешь от уголовщины отмазываться. А представляешь, как он разозлится, когда увидит тебя на кассете с женой? Кстати, не ты Костика ножичком?

– Откуда ты узнала?

– Что? Что ты его ножичком?

– Да нет, что его убили.

– Да вот решила с утра его навестить, а там милиция.

Лешка помолчал, обдумывая услышанное:

– Ну ладно, хорошо – зарезали красавца. Насколько я понял – в собственной квартире.

– Ну да – при мне дверь вскрывали.

– Значит, никто его до милиции не обнаружил. А менты откуда узнали, что там-то и там-то, в такой-то квартире, лежит свежий труп со следами насильственной смерти? Никто, наверное, не заявлял о его пропаже?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.